

И. Н. РАЙКОВА
(Москва)

«ЛОЖЕЧКУ ЗА ПАПУ...» (Детство и детский фольклор глазами современных студентов)

Проблема восприятия современной молодежи традиционного фольклора, отношения к нему, неодинаковой востребованности фольклорных явлений молодыми людьми, на наш взгляд, представляет большой интерес для исследователей и педагогов, однако еще практически не становилась предметом специального изучения. Действительно, что и почему из общего фонда традиционной культуры принимается, хранится в памяти, а то и воспроизводится, передается молодежи, а что, напротив, отторгается, воспринимается как чуждое, неинтересное, скучное?

Наши наблюдения ограничиваются главным образом средой городской студенческой молодежи. Фольклор в целом воспринимается современными студентами как нечто архаичное, монументальное, экзотичное (даже в отношении своей родной культуры), как застывший памятник «седой старины», как предмет национальной гордости, имеющий, однако, лично к ним мало отношения. И это в лучшем случае. В худшем — слово «фольклор» понимается как ироничный эвфемизм по отношению к словам «слухи, сплетни» и даже «мат»: моду на такое словоупотребление активно поддерживают средства массовой информации. В нашем урбанизированном и технологизированном мире фольклор для студентов-гуманитариев, изучающих его на первом курсе, оказывается неким «знакомым незнакомцем». Они приходят на студенческую скамью каждый со своим пониманием слова «фольклор» и круга явлений, за ним стоящего. Это понимание формируется длительное время, причем отнюдь не целенаправленно, а во многом стихийным образом — семьей, общественным окружением, прессой, школьным курсом литературы.

Школьное образование, к сожалению, не вносит должной ясности в понимание сущности и границ фольк-

лора, а зачастую и запутывает. Устное народное творчество рассматривается на уроках литературы в массовой школе как какая-то особая — безавторская (точнее, «доавторская»), устная (читай: «дописьменная»), — но всё же литература. При этом фольклор не изучается в школе, так сказать, монографически, как целостное явление культуры, с присущими ему системными связями, в историко-культурном и этнографическом контекстах, а лишь фрагментарно. Он дается «по чуть-чуть» в разных классах, но только до восьмого включительно, тем самым несправедливо указывают на его простоту для восприятия.

И лектору, читающему курс фольклора в вузе, вместо того чтобы преподнести адаптированную для студентов научную информацию, развяснять дискуссионные проблемы фольклористики, надо сначала как-то разобраться с этими штампами, предубеждениями, упрощенным и искаженным толкованием предмета. Современного студента нужно удивить (что само по себе очень сложно!), показать известные, казалось бы, явления с неожиданной стороны. Необходимо вместе попытаться найти и увидеть в далеком близкое, в чужом — свое, причем задевающее лично тебя. Вслед за тем придет и заинтересованность, и потребность в новом уровне знания и понимания.

Однако есть область традиционной культуры, которую студенты изначально воспринимают по-другому — как свою, родную, не нуждающуюся в защите или рекламе со стороны преподавателя. Эта область, древняя по своим истокам, но живая, постоянно обновляющаяся и лично значимая абсолютно для каждого, — детский фольклор, культура детства. Фольклористы отмечают ее особую, «человекообразующую» [Аникин 1991, 18] роль в жизни человека, неизбежность прохождения детской традиции для социализации и полноценного приобщения к национальной культуре. Стоит заговорить на занятиях о детской культуре, как у молодых людей радостно загораются глаза. Некоторые слушают рассуждающего об этой материи преподавателя даже с какой-то ревностью, всем своим видом показывая: у них, студентов, больше прав на детский фольклор. Но мы все «родом

из детства», и преподаватель порой на этой теме сам сбивается с академической манеры и мечтательно произносит (уже не студентам, а куда-то в свою «дальнюю даль»): «Это я помню еще по своему детству... Наше любимое...».

Студентам еще предстоит понять, что для научного подхода к материалу такого знания «изнутри», с позиции носителя, традиции недостаточно, что порой наши личные вкусы, пристрастия и антипатии могут помешать формированию объективных знаний. Детский фольклор с его кажущейся простотой и «несерьезностью» еще нуждается в реабилитации как серьезный и достойный объект научных гуманитарных исследований.

Давно замечено, что в экспедициях студентам, как правило, лучше удается запись детского фольклора от его естественных носителей, детей: в силу близости возраста дети им больше доверяют, чем взрослым. Не всякий взрослый опытный собиратель может взять качественное интервью у ребенка, а студентам доступно не только это, но и метод включенного наблюдения, когда они увлеченно и практически на равных участвуют в детских играх и забавах, в то же время оставаясь внимательными наблюдателями (подробнее см.: [Новицкая, Райкова 2004]).

Студенты не могут равнодушно относиться к детскому фольклору: их собственное студенческое творчество, занимающее особое место среди традиций первичных контактных групп, узам родства связано с фольклором детей и подростков, пусть сами они и не отдадут в этом отчета. Ряд детско-подростковых жанров продолжает бытовать в среде студентов и другой молодежи, выполняя те же функции, однако вовсе не осмысляясь носителями традиции как детские. Это поддевки и остроты, бытовые приговоры, пародийные песни, стишки, куплеты и др. Смеховое начало пронизывает студенческий фольклор и роднит его с детским. А студенческий обряд ловли Халывки в зачетку близок детским магически-игровым «вызываниям» (подробнее см.: [Райкова 2006]).

Итак, какую же роль играет детская традиция в жизни современного человека? Какая память о детстве сохраняется надолго, и какое место в ней уделено детскому фольклору? Мы попытались

разобраться в этом, привлекая в качестве источника субъективные мнения и личные воспоминания представителей студенческой молодежи.

Данная статья — результат анонимного письменного анкетирования, проведенного среди московских студентов, которым предлагалось ответить на несколько вопросов о своем детстве, детской фольклорной традиции, своем тогдашнем и сегодняшнем ее восприятии. Письменная анонимная форма оказалась удобной для такого эксперимента: она обусловила относительную свободу в высказываниях о своем прошлом, искренность в выражении собственного мнения, так что «прочерки» вместо ответов были единичны. Студенты спокойно отнеслись к работе, так как им предлагалось не пройти тест, а именно *заполнить анкету*. Для многих участников такая просьба была, кроме того, привычной: сказались практика альбомно-анкетного творчества подростков. Повлияли и современные формы общения молодых людей в сети: так, к словесному тексту студенты нередко пририсовывали «смайлики» (например, соответствующий значок указывал на несерьезность того или иного суждения).

Общее количество респондентов — 38, все они студенты-филологи первого курса Московского городского педагогического университета. Подавляющее большинство из них девушки — 33 (87%). Большинство участников 17 лет — таких 28 человек (73%). Есть 18-летние — 8 человек, 16-летние — 1, 19-летние — 1¹.

Проанализируем ответы на предложенные вопросы.

1. Чем отличается ребенок от взрослого?

Ребенок:

— наивен, открыт, доверчив, искренен (10)²;

¹ Оригиналы заполненных анкет, которые анализируются и цитируются в настоящей статье, хранятся в архиве [АК РЗЛ]. При цитировании орфография и пунктуация унифицированы, стилистика оригиналов сохранена.

² Здесь и далее в скобках указано количество человек, ответивших таким или примерно таким образом.

- жизнерадостен, оптимистичен, беззаботен, смотрит на мир проще (8);
- верит в чудеса, сказки, мечтает (8);
- легче переносит трудности и проблемы, может выплакаться (4);
- несамостоятелен, не принимает решения сам (4);
- еще не сформировались характер, взгляды, жизненные ориентиры (4);
- видит особый смысл в простых вещах, умеет радоваться мелочам (3);
- воспринимает мир чувствами, а не разумом, обладает интуицией (3);
- меньше ответственности и обязанностей (2);
- меньше опыта, «наработанных» реакций на ситуации (2);
- отличается чистотой эмоций и мыслей (2);
- бескомпромиссен, делит мир на добро и зло (2);
- требует повышенного внимания, любви, заботы (2);
- не умеет «жить правильно», приспособляться (1);
- более трезво оценивает ситуацию, так как менее загружен проблемами (1);
- стремится поскорее стать старше (1).

2. Когда кончается детство?

Практически все опрошенные ответили, что у каждого это происходит в разное время. И это не резкий переход, как в другую жизнь: детство уходит незаметно. А именно тогда, когда:

- появляется ответственность (5);
- начинаешь осознавать свои проблемы (3);
- начинаешь принимать решения (3);
- больше узнаешь о мире, разочаровываешься в нем (2);
- формируется личность (1);
- понимаешь, что есть слово «надо» (1);
- осознаешь, что надо считаться с мнением других (1);
- начинаешь заботиться о ком-то (1);
- понимаешь, что на самом деле добро лишь иногда побеждает зло (1).

Четверо респондентов упростили себе задачу, приведя лишь «формальные» показатели взрослого статуса, отвечив, что детство заканчивается, когда:

- заканчиваешь школу (2);

- появляется свой ребенок (1);
- становишься материально независимым (1).

Сопоставление ответов на первый и второй вопросы сразу наглядно демонстрирует переходный между детством и «взрослостью» статус опрошенных. Ответы на первый вопрос даются с позиции ребенка (при этом преобладает такая оценка: ребенок лучше взрослого, а со временем он неизбежно «портится»), на второй же вопрос — с точки зрения взрослого (также при общей позитивной оценке своей группы). Другими словами, студенты легко соотносят себя как с одним, так и с другим лагерем, в каждом видя свои преимущества. Далее следовал прямой вопрос о детском/взрослом самоопределении.

3. Ощущаете ли Вы себя взрослым?

Двенадцать респондентов (31%) ответили однозначно «да», 9 (23%) — «нет», причем некоторые из этой группы прокомментировали свой ответ: «и не хочу, так как взрослая жизнь скучная»; «взрослой становиться не хочется». Большинство, 16 человек (46%), определенно ответить не могут («иногда»; «не в полной мере»; «наполовину»). Причем от паспортного возраста это ощущение не зависит: самая младшая респондентка, 16-летняя девочка, ответила: «Да! Конечно!», тогда как некоторые более старшие еще не относят себя к взрослым.

4. Что во взрослом человеке остается от ребенка?

Вот типичный и наиболее полный ответ: «Во взрослом человеке от ребенка могут остаться доверие к людям, открытость и неискоренимый оптимизм, светлые надежды, страсть к познанию мира». По мнению студентов, это позитивные качества личности, которые не должны уйти при взрослении.

5. Когда о взрослом говорят: «ты как ребенок», хорошо это или плохо?

Девятнадцать человек (56%) расценивают высказывание «ты как ребенок» позитивно («очень хорошо», «здорово» и т. п.), 13 (38%) — неоднозначно («всё зависит от случая/от контекста»; «не хорошо и не плохо») и только двое (6%) — негативно.

Психологи и педагоги доказывают необходимость для взрослого человека время от времени ощущать себя ребенком, вести себя по-детски: «Для того чтобы не “сгореть”, человеку дана удивительная способность быть Ребенком, способность перевоплощаться. Это состояние раскрепощения, свободы, “безответственности”, игр и фантазий временно необходимо человеческой психике. Для семейного счастья важно уметь перевоплощаться и в зависимости от ситуации менять позиции Взрослого и Ребенка» [Горлова 2006, 68].

6. О Вас так говорили?

Подавляющее большинство (31 респондент, 91%) ответили положительно, многие добавили «и говорят», прокомментировали, что не считают это зазорным. О некоторых так говорят лишь иногда. Трое (9%) отрицают возможность отнесения этой фразы к себе, и двое из них, как можно было предполагать, — это те самые двое, которые на предыдущий вопрос дали ответ «плохо».

7. Вспомните один из самых ярких моментов своего детства.

Вопрос породил целый поток эмоционально насыщенных мемуаров. Многие студенты, вопреки условиям задания, вспоминали даже не один, а несколько случаев, одно событие по ассоциации притягивало другое. Вопрос специально был поставлен так, что не предполагал обязательной позитивной окраски этого «яркого» момента. Однако подавляющее большинство опрошенных (35 человек, 92%) вспомнили именно радостное событие; во многих случаях это неожиданная радость, сюрприз, момент единения родных, друзей. Если событие и связано с испытанием, трудностями, напряжением сил ребенка, страхом, то в финале обязательно происходит благополучное разрешение. Лишь трое (8%) вспомнили событие, окрашенное в негативные тона, а именно: свой проступок и чувство вины за него.

Интересно, что из нескольких десятков описанных или кратко обозначенных событий лишь два можно объективно признать редкими, потрясающими, из ряда вон выходящими. Первое: в комнату, где мирно проводила время се-

мя, влетела шаровая молния. Второе — неожиданная встреча в лесу с лосихой и лосенком. Остальные вполне будничны, яркими они оказываются лишь в сознании ребенка-участника.

Встречаются знаковые для XX в. ситуации: «Папа, который давно с нами не живет, пришел в гости, подарил подарок». Вообще, в 14 случаях (36%) в «ярком моменте» фигурируют папа или дедушка, что красноречиво свидетельствует о дефиците мужского внимания к ребенку. Папа — герой «ярких» воспоминаний — не только дарит игрушку, но и сам становится предметом детской забавы: «А когда мама пришла домой, зайдя в комнату, увидела меня сидящей на давно уже заснувшем отце. Я на нем сидела и терла на него на терке морковь и свеклу. Было очень забавно!».

Психологи давно установили необходимость участия обоих родителей в воспитании ребенка, важную роль отца в дошкольный период развития, когда закладываются гендерные стереотипы. Причем отец по-своему важен как для мальчика, так и для девочки: «С целью успешной гендерной идентификации мальчика, т. е. развития его по мужскому типу, необходимы широкое и продолжительное общение с сильным и справедливым отцом (...) Именно отец формирует в своей дочери уверенность в себе как женщине. Девочки, выросшие в семье любящего отца, чувствуют свою защищенность, у них не наблюдается повышенной тревожности или страхов перед всем миром» [Чекалина 2006, 105].

Отрадно, что во многих случаях «яркий момент» связан с творчеством, игрой, игрушкой, исполнением, праздником, восприятием фольклора. Таково идилическое описание Рождества: «Я очень любила Рождество, потому что на этот праздник мама всегда приглашала моих друзей, устраивала всевозможные конкурсы и игры, такие как “Бояре”, “Ручеек”, “Ворота”, создавала в комнате обстановку сказки, вешала Вифлеемскую звезду, делала пещерку, в которой находились Иосиф, Мария и Христос, выключала в комнате свет и зажигала лампочки на елке». Такое откровение о папе: «Я, ложась спать, попросила папу, по которому я очень теперь скучаю и

которого мне очень недостает, рассказать мне сказку. И он на ходу сочинил ее для меня — про принца и принцессу. Это было самое счастливое время в моей жизни...». Или: «Я очень любила распевать песни на табуретке, микрофоном служил веник. Или устраивала концерты сидящим у подъезда бабушкам»; «Я помню, как родители радовались, когда я спела песню их времени. Они даже записали мой голос на аудиокассету, и сейчас она сохранилась». Мальчика поразили «сиплые песни про моряков дальнего плавания». Одно из воспоминаний явно относится к освоению детским коллективом игрового пространства: «Я очень часто вспоминаю дерево нашего двора. Оно было ветвистым, большим. И у каждого на нем было свое место. Мы очень часто там сидели» (ср.: [Осорина 2003]).

Одно описание прямо воспроизводит включенность в детскую фольклорную традицию, причем заметно, как 17-летняя девушка всеми силами пытается от нее дистанцироваться, поставить себя — нынешнюю — выше этой забавы: «Лет в семь мы вызывали Фредди Крюгера, Пиковую даму, какого-то козла и прочую ерунду, а потом с воплями носились по деревне или с выпученными глазами сидели в темной комнате и пугали друг друга шорохами...».

8. Чего Вы в детстве боялись? Чего из этого боитесь до сих пор?

Необходимо отметить, что полученная картина с детскими страхами весьма традиционна, именно эти страхи и послужили источником детского страшного фольклора. Лидирует страх темноты (63% случаев), иногда ему сопутствуют страхи «теней», «темных подвалов», «темных пустых коридоров», «смотреться в темноте в зеркало», «ночных шорохов и звуков», «громких звуков» или, напротив, полной тишины. Есть психологически очень точные наблюдения над страхом *одиночества в темноте*: «Боялась темноты и ложиться спать, когда уже все легли и везде погасили свет».

На втором по частоте упоминаний месте (36%) — боязнь чужих взрослых людей, главным образом «дядек». Отчасти она инициируется родителями и

бабушками, которые по традиции пугают своих чад: «дядька заберет / унесет и т. п.», и подогревается городскими слухами и толками, тиражируемыми СМИ. Один студент свидетельствует: «Пугали меня Дюдюкой, который утащит в лес, если спать вовремя не лягу или, наоборот, не пожелаю вставать». Другой молодой человек по этому поводу рисует радостную картинку «саморазоблачения» псевдомонологического персонажа: «Бабушка постоянно пугала меня “мужиком” с огромным мешком за плечами. Он весь день носил его туда-обратно. Бабушка говорила, что он уносит детей, которые балуются. Я очень боялся. Однажды “мужик” споткнулся, крикнул слово, которое я тогда еще не знал, и растянулся... Картошка посыпалась из мешка!».

В ряде случаев предметом фобии были не любые чужие мужчины, а лишь те их категории, которые, по детским представлениям, выходят за пределы привычного (пьяные мужчины, люди с психическими отклонениями, кавказцы и т. п.). Ср.: в главе о демонических персонажах — похитителях детей — М. П. Чередникова пишет: «... на улице многократно увеличивалась опасность встречи с чужими людьми, представляющими угрозу для жизни ребенка. В их числе могли быть представители потустороннего мира (...) или иных этнических и социальных групп (цыгане, нищие, бродяги и т. п.)» [Чередникова 2002, 172].

Остальные объекты детской боязни подразделяются на элементы дикой природы (лес, мутная вода, гроза, медузы, черви, индюки, звери, в частности, волки, насекомые, в частности, пауки, моль) и, напротив, плоды цивилизации (автомобили, турникеты и эскалаторы, электричество, пылесос, стоматологические инструменты, скрипящий шкаф). Все эти, казалось бы, разнородные объекты можно интерпретировать как таящие в себе неизвестную и неожиданную (осмысляемую как смертельная) опасность³. Называют и известные фобии — высоты, закрытых помещений, открытых помещений.

³ Ср. выводы о страхе смерти как психологической основе детских мифов: [Чередникова 2002, 96–98].

Примечательно и отрадно, что в абсолютном большинстве случаев названных страхи уже не беспокоят студентов, они остались в воспоминаниях. «Сейчас боюсь, — рассуждает один из респондентов, — другого: предательства близких людей».

9. Нянчили ли Вас взрослые? Если «да», то кто и каким образом?

Большинство респондентов ответили, что родные пели им песенки, укачивая, и читали на ночь сказки. Есть и детальные воспоминания: «Любила, когда меня катали на ноге и когда кружили, чтобы потом голова кружилась»; «Обычно мне давали косметику и украшения, и я с ними что-то делала». Кто-то вспомнил ежеутреннюю «жестокую песенку» «Вставай, вставай, дружок!..», которая преследовала респондента вплоть до недавнего времени, кто-то — наоборот, наиболее трогательные моменты: «Папа на руке качал». Упоминалась и традиция запугивания непослушных детей страшными существами: «Помню, как меня заставляли есть. Я отказывалась проглатывать, и тогда меня пугали крокодилом — я от страха всё глотала».

Некоторые студенты даже припомнили тексты пестушек, обращенные к ним: «Тритатушки-тритата, вышла кошка за кота...», «С гуся вода...», «Сорока-белобока», любимую забаву всех детей — «езду на коленях» («По кочкам, по кочкам...»). А вот пример диффузии жанров в детском фольклоре, когда текст считалки используется в функции «поскакушки»: «Помню, как мама сажала меня на колени и приговаривала, раскачиваясь: “Ехала машина темным лесом...”». Интересно, какие остались в памяти колыбельные песни: «Репертуар колыбельных был от “Серого волчка” до суперхита “Шел отряд по бережку...”». Упоминаются и авторские колыбельные, которые, впрочем, студентами не отделяются от народных: «Ложкой снег мешая...» и «Спи, моя Светлана...». Есть и примеры использования в пестовании произведений классиков. Так, не без доли юмора студентка замечает: «На ночь читали мне сказки или “Войну и мир”. Еще я любила слушать оперу “Евгений Онегин”...».

10. Вспомните свою любимую детскую игрушку. Как вы в нее играли? Где она сейчас?

Шестнадцать (42%) респондентов вспомнили мягкую игрушку. По словам студентов, они ее воображали живой, разговаривали с ней (это касается в первую очередь детей, у которых нет братьев и сестер). На фоне обычных мишек, заек и собачек и более редких зверюшек — тигра, енота и овечки — выделяется игрушка-изгой, жалкое существо, которое ребенок выбирает по какому-то почти сказочному принципу: «У меня была мягкая игрушка, звали ее Тузик, это было неопознанное животное, то ли собака, то ли мишка — серенький, страшенький. Я выпросила его у мамы, когда мы выбирали игрушку на день рождения двоюродной сестры. Мне было его жалко, потому что его никто не покупал, а я его пожалела. Я везде брала его с собой, даже спать без него не ложилась. Он и сейчас сидит у меня на кровати».

Одиннадцать (28%) респондентов любимой назвали куклу, большинство из них играли в нее традиционным для девочек способом: в «дочки-матери», представляя куклу ребенком, дочкой. Остальные типы игрушек единичны: ослик на веревочке, посудка, кубики, сабля, машинка, детская коляска и др. Один мальчик вспомнил народную игрушку — деревянного коня-качалку, расписанного под хохлому. Примечательно, что лишь в 4-х анкетах (10%) были названы специфически современные игрушки (кукла Барби, трансформер).

Двадцать шесть отвечавших (68%) знают, где сейчас их любимая игрушка. Семь из них признаются, что она с детских лет их сопровождает — до сих пор находится на кровати, на полке, на столе, в сумке как талисман и т. п. Пять человек отдали игрушки младшим родственникам, что вполне в духе традиции. Лишь 7 (18%) студентов либо не знают нынешнего местонахождения игрушки, либо с сожалением сообщают, что ее пришлось выбросить, так как она пришла в негодность. Один юноша с незатухающей обидой на родителей рассказывает, что они, не спросив его мнения, отдали целую коробку его игрушек (в том числе и любимую) неизвестно кому.

11. Хорошо ли, когда в семье больше одного ребенка? Мотивируйте свой ответ.

Абсолютное большинство — 34 респондента (89%) ответили положительно. Мотивировки можно разделить на два типа. Во-первых, наивно-эмоциональные, однако более искренние: «так веселее»; «одной было бы тоскливо»; «есть с кем поиграть»; «так не скучно/не страшно оставаться дома» и т. п. Во-вторых, морализаторские (здесь очевидно влияние педагогического профиля вуза): «только тогда это полноценная семья»; «дети помогают друг другу»; «ребенок учится заботиться о другом»; «родственные связи — самое ценное»; «быстрее происходит социализация» и др. Трое из ответивших положительно, впрочем, добавили некое «но»: «детей должно быть в меру много»; «я ненавижу свою младшую сестру, так как все внимание было ей, но слышала от многих других, что им без брата или сестры одиноко»; «хорошо, только если дети либо разного пола, либо с большой разницей в возрасте, так как у каждого должно быть детство».

Из четырех ответивших отрицательно двое утверждают, что им и в одиночестве неплохо; третий мотивирует тем, что внимание родителей может распределяться неравномерно. С ним солидарен и четвертый, высказавшийся наиболее пронзительно: «Внимание и забота родителей при этом может внезапно целиком и полностью обращаться на новорожденного, а старшее дитя начинают принимать за черновик, вдруг начав ругать и наказывать за то, что всегда было можно, не объясняя причин, и т. п.». Естественно, в последних двух случаях это личный опыт старших братьев, хотя и без прямых указаний.

12. Есть ли у Вас братья, сестры? Какого пола и возраста?

Тринадцать из отвечавших студентов (34%) являются единственными детьми в семье. У остальных есть братья (11) и сестры (14). Четырнадцать респондентов (36%) — младшие в семье, 11 (30%) — старшие. Трое детей всего лишь в трех семьях (7%). Надо сказать, что для современного мегаполиса картина нормальная, даже более благополучная, чем можно было бы предположить.

13. Как вы вместе проводили время в детстве?

Если разница между детьми в возрасте небольшая, то типичный ответ таков: «Мы играли вместе, ссорились, часто дрались (думаю, через это прошли все), конечно же, быстро мирились и продолжали дальше играть. Играли в основном в школу, в больницу, в салки, носились по всей квартире и всё сметали на своем пути». Вот еще перечисление игр-импровизаций: «У нас была очень бурная фантазия: мы делали из квартиры гостиницу, магазин вещей и продуктовый, строили палатку». Если хотя бы один в паре мальчик, то добавляется, например, «футбол в квартире». Изображается и трогательная забота старшего брата (9 лет разницы), который кормил сестренку с ложечки, приговаривая: «Ложечку за папу, ложечку за маму...» — и строил ей «лабиринт из подушек от софы».

14. Была ли у Вас компания? Дети какого пола и возраста в нее входили?

Подавляющее большинство — 33 респондента (87%) — в детстве предпочитали одиночеству компании («так веселее и интереснее»). Из них 22 человека (66%) общалась в компании ровесников и погодок, остальные — в разновозрастных. Девятнадцать из них (63%) общались в смешанных по полу компаниях, 8 (26%) — в однородных, 3 девочки предпочитали компанию мальчишек. Чуть больше половины имевших компании в детстве сейчас так или иначе продолжают общаться с их участниками.

Лишь три девушки (9%) высказались в пользу одной подруги (сестры) вместо компании и двое предпочли одиночество (5%). Вот рассуждения последних: «Я в детстве любила играть одна. Я и сейчас люблю сидеть одна: никто не мешает, не орет над ухом, не лезет драться...»; «Мне сложно впустить в свои мысли других людей»; «Я любил один что-нибудь представлять, в компании это сложно».

15. Как вы вместе проводили время?

Здесь вспоминают прежде всего разные игры, в том числе в карты, шашки и шахматы. Интересно, насколько теле-

видение повлияло на игровой репертуар поколения: нынешние студенты в детстве играли в такие игры, как «Зена — королева воинов» и «Угадай мелодию», порожденные телесериалами и развлекательными передачами.

16. Посвящали ли вы взрослых в свои секреты? Если «да», то кого и зачем? Если «нет», то почему?

Больше половины опрошенных — 19 человек (53%) — в детстве не доверяли взрослым. «Хотя сейчас, — отвечает одна девушка, — я уже всё рассказала, и мы вместе над этим смеемся». Есть логичные замечания: на то они и секреты, чтобы их никому не раскрывать; «нет, потому что детский мир — это детский, и взрослых мы туда не впускали». Встречаются весьма резкие, максималистские высказывания: «Нет. Никогда, нигде, никто из взрослых по сей день не вызывал у меня доверия, даже родители. Нет, в особенности родители»; «К чему им знать? Они не верили и относились с сарказмом, не желая понять». И даже: «Нет. Не достойны. Не поймут». Семнадцать же студентов (47%) ответили положительно, среди них 14 (82 %) в детстве доверяли секреты матери, в их ответах рисуется идеализированный образ всепонимающей мамы — друга и советчика. Единичны случаи доверия папе и бабушке. Показательно, что ни один респондент не вспомнил воспитателя или учителя. В ответах на этот вопрос явно прослеживается гендерный аспект: только один юноша из пяти опрошенных ответил «да».

17. Что из детского фольклора Вы знаете по собственному опыту? Когда, как, зачем Вы это исполняли?

Молодые люди, отвечая на этот вопрос, вспоминают много самого разнообразного материала. Приведу лишь наиболее любопытные суждения: «Мы любили вызывать нечисть всякую: Пиковую даму, Колобка... Еще у меня была книжка со страшлками и садистскими стишками, так что этого добра я знала больше всех» (разнородность персонажей детских магически-игровых практик; «вторичное бытование» текстов. — *И. Р.*); «Среди девчоночьей компании у нас существовала специальная тетрадь

с приметам (чесется правый глаз — плакать, чихнул в 8 ч. в чт. — думает о тебе). Это, конечно, сейчас кажется мне бредовым, зато тогда...» (письменная форма функционирования фольклора; попытка дистанцироваться от детских увлечений. — *И. Р.*); «Один страх от рассказанной страшилки сохранялся у меня до 15-ти лет (8 лет)» (продолжительное эмоциональное воздействие детского страшного повествовательного фольклора, подтверждающее его активное бытование в 1990-е гг. — *И. Р.*).

18. Так ли, как принято в науке, вы называли те или иные жанры детского фольклора? Если «нет», то как?

Абсолютное большинство студентов отвечает, что обычно фольклорные явления «никак не называли», не задумывались над этим. Есть весьма рассудительные комментарии: «Это была часть игры и общения, которая вписывалась крайне органично и названия не требовала». Некоторые поняли данный вопрос анкеты как вопрос о «владении терминологией»: «Я не всё называла правильно. Я, например, не знала, что игра «Ладушки» — это потешка».

19. Исполняете ли Вы это или что-либо подобное сейчас? Если «да», то при каких обстоятельствах? Если «нет», то когда и почему перестали?

При том что многое из детской традиции, судя по предыдущим ответам, помнится достаточно ярко и конкретно (хотя часть текстов и уходит в область пассивного знания), студенты в целом уже вне традиции, «переросли» ее. Вот наиболее развернутые суждения: «Так не исполняю, переросла уже, но ради прикола в хорошей компании можно»; «Перестала я это делать как-то постепенно, даже сама не заметила как»; «Может быть, некоторые забавные стишки при какой-то определенной ситуации <исполняю и сейчас>. Считалки ушли вместе с играми, дразнилки и мирилки — с возрастом, гадать люблю до сих пор».

20. Что значил для Вас детский фольклор в детстве? Как Вы сейчас к этому относитесь?

Респонденты отметили большую значимость для себя детского фолькло-

ра в прошлом и выразили безусловно позитивное, однако уже отстраненное отношение к нему в настоящем: «Всё детство, всё общение настолько тесно переплетено с детским фольклором, что относиться сейчас к этому плохо — просто невозможно». Приведем еще несколько комментариев по поводу функций и роли детского фольклора. Детский фольклор:

— «развивает речь, поднимает настроение, развлекает»;

— «совершенно правильный способ выражения себя и своих предпочтений»;

— «неотъемлемая часть общения, которая помогала завязывать контакты»;

— «важная составляющая игры, быта, а значит, и жизни»;

— «неотъемлемая часть моей жизни, детства; он воспитал во мне веру в чудо, в справедливость, и я к нему отношусь только положительно»;

— «был частью игры, общения; сейчас он перерос в другие, более свойственные возрасту забавы»;

— «очень много <значил>, но сейчас уже можно обходиться без этого».

Важным представляется и замечание об отсутствии рефлексии по этому поводу у самих детей — носителей традиции: «В детстве, когда я исполняла детский фольклор, я думать не думала, знать не знала, что это детский фольклор. Сейчас мне очень нравится детский фольклор, так как в нем я вижу один из способов детского самовыражения».

21. Каких жанров детского фольклора, указанных в учебной литературе, Вы не знаете по своему опыту?

Ответы на этот вопрос были наиболее сухими, перечислительными, так как здесь студенты, вероятно, почувствовали перевод неформальной анкеты в плоскость учебного задания. По показателю «неизвестности» лидируют пестушки (17 упоминаний, 39%), за ними с большим отрывом идут заклички, потешки, прибаутки и докучные сказки.

22. О каких жанрах детского фольклора Вы слышали, но сами никогда не исполняли? Почему так?

В ответах по этому пункту — большой разнородной, однако на первом месте

страшилки: четыре девушки признаются, что боялись их и сами никогда не рассказывали, но слышать приходилось. Две другие девушки пишут то же о магических вызываниях («...мне говорили, что это очень опасно»). В оригинальном ответе: «Прибаутки никогда не исполнялись, наверное потому, что было много всего интересного» — речь, видимо, идет о профессиональной и массовой развлекательной культуре, которая вытесняет фольклорную.

23. Что объединяет детский и взрослый фольклор? Что различает?

Самый популярный ответ на данный вопрос примерно таков: детский фольклор более простой/доступный для понимания. Часть опрошенных отмечает больше сходства между детскими и взрослыми фольклорными формами: «Их объединяет веселый характер, афористичность, устойчивость жанров и выражений. Детский фольклор отличается большей непосредственностью, раскрепощенностью»; «Детский фольклор очень похож на взрослый фольклор: первый сопутствует детским играм, второй — взрослым играм, в которых свои правила». Другие студенты, напротив, акцентируют различия: «У взрослых и детей совсем разные заботы и интересы, и фольклор разный»; «Одни проблемы затрагиваются по-разному, другой подход»; «Детский фольклор более добрый и игровой, а у взрослых злые шутки, иногда бывают и не очень приличные». Интересно, что взрослые часто относят представление о «злых» и «не очень приличных» шутках, напротив, к детскому фольклору, во всяком случае к современному.

Сделаем некоторые **выводы**. Итак, детство осмысливается гуманитарной молодежью как самоценная и значимая часть жизни. Ни в одном ответе не прозвучала идея о том, что детство — лишь подготовка к взрослому существованию. В целом собственные детские годы вспоминаются как период радостной и почти безмятежной жизни, которая могла омрачаться лишь непониманием со стороны родителей, дефицитом их внимания или ревностью к братьям/сестрам. Детство, по ощущениям студентов, не заканчивается

резко, внезапно, но имеет «размытую» верхнюю временную границу, и в 16—19 лет каждый по-своему ощущает степень удаленности от нее. Материнская и детская фольклорная культура как органическая часть детской жизни, не поддается вычленению и не становится отдельным предметом рефлексии. Будучи уже «выключенными» из детской субкультуры (кроме редких, особых случаев или явлений на стыке детского и молодежного фольклора), студенты считают детский фольклор своим достоянием и отзываются о нем тепло, но уже дистанцируются от этой традиции и упоминают о ней слегка снисходительно.

Литература

Аникин 1991 — *Аникин В. П.* Начало всех начал // Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1. Младенчество; Детство. М., 1991. С. 5—18.

Горлова 2006 — *Горлова Н. А.* Стратегия воспитания современных детей и пути ее реализации // Вестник МГПУ. 2006. № 4 (13). Пед. вып. (Проблемы воспитания). С. 57—75.

Новицкая, Райкова 2004 — *Новицкая М. Ю., Райкова И. Н.* Фольклорная традиция детей

и подростков в XX — начале XXI века: методические рекомендации и вопросы по собиранию // Актуальные проблемы народной фольклористики. Вып. 3. М., 2004. С. 123—130.

Осорина 2003 — *Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 3-е изд. СПб., 2003.

Райкова 2006 — *Райкова И. Н.* «От сессии до сессии живут студенты весело...» (фольклор современных студентов: традиционное и новое) // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. науч. ст. по материалам конференции. М., 2006. С. 39—56. Вып. 9.

Чекалина 2006 — *Чекалина А. А.* Гендерная психология: учеб. пособие. М., 2006.

Чередникова 2002 — *Чередникова М. П.* Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии // Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). М., 2002. С. 77—210.

Сокращения

АК РЗЛ — Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы Московского городского педагогического университета.

В ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕСПУБЛИКАНСКОМ ЦЕНТРЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

вышла в свет книга

Традиционная культура Муромского края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: в 2 т. — М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — Т. 1 — 536 с.; Т. 2 — 480 с.

Настоящее издание продолжает серию работ Государственного республиканского центра русского фольклора, посвященных традиционной культуре Владимирской области. В его основу положены полевые материалы, представляющие синхронный срез традиции начала XXI в. Музыкальный фольклор представлен также произведениями, относящимися к более ранним периодам и имеющими большую историческую и художественную ценность.

Книга адресована широкому кругу читателей — ученым, преподавателям вузов, школ, сотрудникам учреждений культуры, руководителям и участникам фольклорных ансамблей, народных хоров, а также всем, кто интересуется народной культурой.

Приобрести книгу можно по адресу: **119034, Москва, Турчанинов пер., д. 6.**
Тел.: (499) 245-22-05. Факс: (499) 245-06-75.

При оплате по безналичному расчету просьба сообщить точные реквизиты вашей организации.